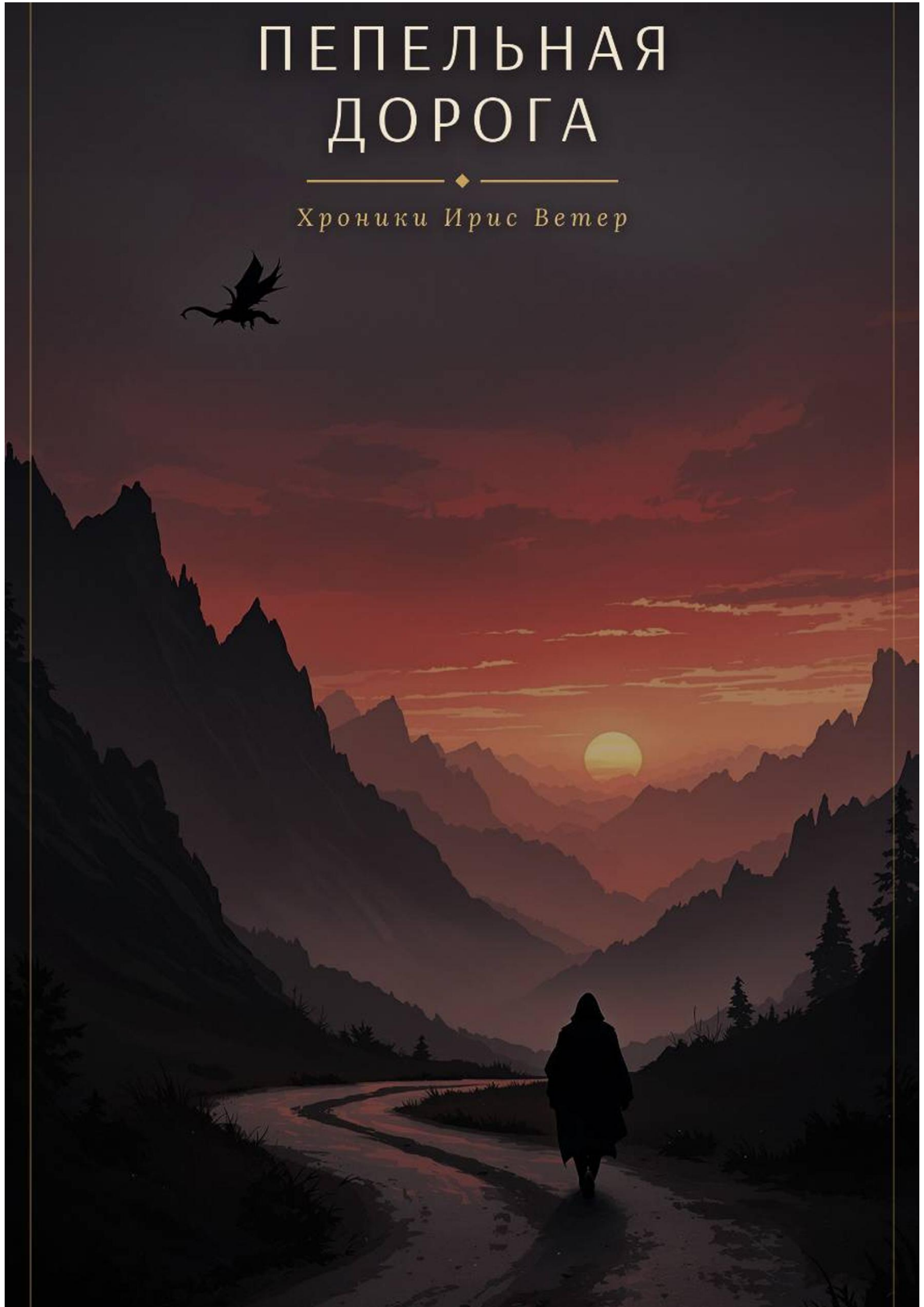

ПЕПЕЛЬНАЯ ДОРОГА

Хроники Ирис Ветер

Кирилл Прикота

Пепельная дорога

«Автор»

2026

Прикота К.

Пепельная дорога / К. Прикота — «Автор», 2026

Двадцать лет Ирис хранит тайну, за которую Орден Пепла готов убивать: пять последних драконьих яиц. Когда древние Печати начинают слабеть, а по следу странницы выходит Инквизиция, бесконечное бегство превращается в путь к опасной правде. Вместе с неожиданными спутниками Ирис предстоит узнать, почему были уничтожены драконы и что они защищали на самом деле. Но чем ближе разгадка, тем выше цена выбора между прошлым, мстостью и будущим целого мира.

© Прикота К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Кирилл Прикота

Пепельная дорога

Пролог

Хроники Ирис Ветер

Двадцать лет назад небо над Кородином было цвета старой раны: багровое у горизонта, серое в вышине. В этом небе догорал последний дракон Веларионского Ковена.

Ирис запомнила не рёв. Рёв она забыла первым, хотя тогда казалось — забыть это невозможно. Забыла и запах гари, хотя он потом преследовал её двадцать лет: в каждом сожжённом амбаре, в каждом дыме над трактирной трубой. Осталось другое. То, как Сорэн в последний раз посмотрел на неё сверху, с высоты в двести локтей. Его глаз — жёлтый, с вертикальным зрачком, огромный, как окно в чужой дом, — не искал спасения. Он искал, куда она спряталась. Проверял, что она спряталась достаточно хорошо.

«Беги, дитя Уговора, — сказал он ей на языке, вплетённом в её кровь ещё при рождении договора. — Беги и держи яйца ближе к сердцу, чем держала мать своё дитя».

Она бежала. Двадцать лет она бежала. Сначала в буквальном смысле — через горящий перевал Ирна. Потом иначе: от города к городу, от узла силы к узлу силы, с пятью каменно-тяжёлыми, тепло дышащими свёртками в двойном дне походного сундука. Пять яиц. Пять последних детей Ковена, который когда-то насчитывал сорок три хранителя на весь континент.

Орден Пепла объявил тогда, что драконы обезумели. Что где-то в приграничье Ковен вырезал деревню Дол Кресте до последнего ребёнка. Это было правдой в том же смысле, в каком правдой бывает нож, вложенный в чужую руку уже окровавленным. Ирис узнала настоящую правду не сразу. Годы ушли на то, чтобы просто выжить. Ещё годы — чтобы начать задавать вопросы. И ещё годы — чтобы понять: вопросы эти опасны. От них до сих пор гибнут люди, которые задают их вслух.

Она не была драконом. Она была Дитя Уговора — человеческое дитя, чью кровь смешали с чем-то более древним в ритуале, который её родители (кем бы они ни были — она не помнила их лиц) заключили с Ковеном три поколения назад. Уговор давал долгую жизнь: не бессмертие, но добрый десяток человеческих сроков. И метки. Россыпь мелких, твёрдых, полупрозрачных чешуек за левым ухом и вдоль ключицы. Глаза, темневшие от жёлтого к почти чёрному, когда она гневалась. И ещё одно чувство — тихое, постоянное, как шум крови в висках: жилы земли.

Жилы были дорогами силы, вплетёнными в тело мира. На их узлах стояли Печати. Ирис не понимала их природу до конца даже теперь, двадцать лет спустя. Знала одно: пока в узлах жили хранители, Печати держались. Когда хранителей истребили, Печати начали ветшать — медленно, как ветшает мост, по которому больше не ходят и не чинят.

Той ночью на перевале Ирна Сорэн не сказал ей, что случится с миром, если ветшание продолжится. Он сказал только: беги. И она бежала — с сундуком, с пятью каменно-тёплыми свёртками, с чужим именем в каждом новом городе. И с одним вопросом, который задавала себе каждую ночь у костра: за что их убили на самом деле?

Она не знала тогда, что дорога приведёт её через двадцать лет в деревню под названием Броды. Деревню слишком маленькую для карт Кородина, слишком бедную, чтобы её боялся Орден Пепла, слишком обычную на вид. Она не заподозрит, что именно здесь начнётся путь, который наконец приведёт её к правде.

Не знала она и того, что правда будет стоять дороже, чем она готова была заплатить.

Но это будет позже. А пока — весна. Тракт вьётся между холмами, пыль тёплая под сапогами, и в двойном дне походного сундука, притороченного к спине усталого мула по кличке Уголь, тихо и ровно стучат пять сердец.

Ирис поправила капюшон, посмотрела на солнце — низкое, рыжее, совсем не то, что горело над Кородином двадцать лет назад, — и пошла вперёд.

Дорога, как известно, не спрашивает, кто по ней идёт. Она просто ведёт.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДОРОГА ЧЕРЕЗ БРОДЫ

Глава 1

Деревня, которой нет на картах

Броды стояли на слиянии двух ленивых речушек. Ни одна не заслуживала собственного имени на картах Кородина, и, по мнению Ирис, это было главным достоинством деревни. Сорок дворов, кузница, храм без бога — просто круглый камень, вокруг которого раз в год водили хоровод, — и трактир с вывеской настолько выцветшей, что буквы читались только в дождь.

Ирис вошла в деревню пешком, ведя Уголя в поводу. Уже на второй улице она поняла: что-то не так с урожаем.

Поля вдоль реки стояли неровными полосами. Где-то зелень была в рост, будто торопясь наверстать упущенное разом. Где-то земля лежала серой, потрескавшейся, будто из неё выпили не только воду, но и саму охоту расти. Полосы чередовались с пугающей правильностью — слишком ровной для капризов погоды.

— Жила, — тихо сказала она Углю. Мул фыркнул, будто соглашался, хотя, разумеется, не понимал ни слова. Привычка разговаривать с мулом появилась у неё на третий год дороги и с тех пор не прошла. Уголь был третьим по счёту мулом с этой кличкой. Ирис подозревала, что до конца своей неестественно долгой жизни сменит ещё дюжину Углей — и ни разу не остановится, чтобы придумать новое имя.

Жила земли под Бродами была старой, ещё дораскольной. Тонкой нитью она тянулась откуда-то с северных холмов и терялась дальше на юг. Ирис чувствовала её так, как чувствовала бы сквозняк из плохо прикрытой двери — не глазами, не ушами, а тем глубоким чувством, что вживлено в неё вместе с чешуйками за ухом. Жила была неровной. Дёргалась. Как пульс у человека, который то ли бежит, то ли умирает.

Трактирщица — крупная женщина по имени Уна, с руками, обожжёнными о сотню чугунков, — оглядела Ирис от сапог до капюшона. Обычная деревенская подозрительность. Она быстро тает, если у путника находятся звонкие монеты и вежливый тон.

— Комнату? Найдётся, — сказала Уна. — Только предупреждаю, гостя, шумно у нас сейчас. Поля мрут второй год, люди злые, дальше — хуже. Кто-то говорит, порча, кто-то — что боги обиделись, кто-то — ну, не буду повторять, что кто-то говорит.

— А что говорят? — спросила Ирис, хотя уже подозревала ответ.

— Что драконье это дело, — Уна понизила голос, будто само это слово могло навлечь беду. — Дескать, из-под земли идёт что-то не то, ещё с тех пор, как их всех повывели. Глупости, конечно. Но люди пугливые, когда жрать нечего.

Ирис кивнула так, будто слышала это впервые. На деле она слышала подобное в каждой третьей деревне последние двадцать лет. Иногда правда пряталась в глупостях лучше, чем в умных теориях.

Комната наверху была маленькой, с окном на реку и кроватью, которая, судя по скрипу, помнила ещё прежнего короля. Ирис заперла дверь, опустила сундук на пол, откинула фальшивое дно. Позволила себе то, что позволяла лишь по вечерам, вдали от чужих глаз: положила ладонь на ближайшую скорлупу.

Тёплая. Ровно тёплая, как всегда. Она насчитала пять едва уловимых стуков — медленных, спокойных — и выдохнула. Все пятеро живы. Все пятеро спят.

— Ещё немного, — сказала она яйцам так же, как говорила Углю, зная, что они не понимают её так же, как не понимал он. — Ещё немного, и найдём вам дом получше сундука.

Утром она отправилась искать источник дёргающейся жилы. Не потому что это было её делом — а потому что оставить рану земли без внимания значило притянуть к Бродам не только неурожай. У раненых жил была скверная привычка привлекать внимание. Чьё именно — Ирис предпочитала не проверять на собственной шкуре чаще необходимого.

След вывел её за околицу, к старому колодцу на пустоши. Вернее, к тому, что от колодца осталось: каменное кольцо, вросшее в землю, и трещина в срубе шириной с два пальца. Из трещины при желании можно было различить сероватое, едва заметное марево — будто над раскалённым летним камнем. Только колодец давно пересох, а марево не имело отношения к жаре.

Рядом с колодцем на коленях стояла девушка лет семнадцати с плетёной корзиной сухих трав через плечо. На лице у неё было выражение азарта, совершенно неподобающее деревенской травнице. Она водила ладонью над трещиной, будто грела руки над огнём, которого не было.

— Я бы на твоём месте туда так близко не совалась, — сказала Ирис.

Девушка вздрогнула, обернулась — и вместо испуга на лице расцвело радостное узнавание. Будто Ирис была последним куском головоломки, которого ей не хватало для полной картины.

— Ты тоже это чувствуешь! — воскликнула она так, что чуть не свалилась с колена в трещину. — Я думала, только я одна во всей деревне чувую, что тут не так. Все остальные говорят — суеверия, бабка Ульфа гонит меня отсюда каждый раз. Но я же чувствую: оно живое, только больное. Вот тут, — она приложила руку к груди, — как будто у меня самой что-то ноет, когда я рядом стою.

Ирис помолчала, разглядывая её внимательнее. Растрёпанные светлые волосы, перепачканные землёй пальцы, слишком быстрая речь человека, который долго был единственным свидетелем собственных странностей и наконец получил слушателя. Ничего необычного во внешности. И всё же что-то в том, как девушка держала ладонь над трещиной — не касаясь, но явно ощущая нечто, — заставило чешуйки за ухом Ирис едва слышно завибрировать.

Редкий дар. Очень редкий. И очень, очень неудобный, если о нём узнают не те люди.

— Как тебя зовут? — спросила Ирис, уже зная, что задаёт вопрос не из вежливости.

— Нэлл. Травница — то есть ученица травницы, бабка Ульфа меня взяла три года назад, когда родители... — она махнула рукой, отмечая тему коротким, отработанным жестом. — Неважно. А ты кто? Странница? У тебя вид странницы. Плащ такой... дорожный. И глаза у тебя странные, — добавила она без всякого тактичного колебания, свойственного взрослым. — Жёлтые немного. Как у кошки, только не совсем.

— Ирис, — сказала Ирис. За неполные пять минут знакомства девчонка уже заслужила настоящее имя, а не одно из дюжины дорожных псевдонимов. — И да, я странница. Скажи мне, Нэлл: колодец пересох сам, или ему помогли?

Нэлл нахмурилась, вспоминая.

— Сам, ещё до меня, бабка говорит — лет пятнадцать назад. Но плохо ему стало этой весной. С тех пор поля и полегли — где хуже, где лучше, будто кто-то по земле линейкой провёл. Ты... — она посмотрела на Ирис с новым, более осторожным интересом. — Ты знаешь, что это?

Ирис присела на корточки рядом с трещиной. Холодное дрожание жилы отдавалось в собственных костях. Рана была небольшой — не Печать, слава богам без храма, просто узел

жили поменьше. Таких по континенту рассыпаны десятки: слишком мелкие, чтобы Ковен ставил на них полноценных хранителей, и потому особенно уязвимые теперь, когда хранителей не осталось вовсе. Такую рану можно было закрыть — не навсегда, но на годы, — если знать как.

— Я знаю, что это лечится, — сказала она вместо ответа. — Но мне понадобится помощь. И твоё молчание. Что бы я ни делала здесь следующий час, ты не расскажешь об этом бабке Ульфе, трактирщице Уне и вообще никому. Согласна?

Нэлл выпрямилась так резко, что задела корзину, и та с тихим шорохом просыпала половину трав в пыль. Девушка не обратила внимания. Глаза её горели тем самым огнём, который Ирис за двадцать лет дороги научилась узнавать с первого взгляда: огнём человека, которому наконец предложили дело больше, чем вся его прежняя жизнь.

— Согласна, — сказала Нэлл. — Абсолютно, полностью, навеки согласна.

Ирис едва заметно улыбнулась — впервые за неделю дороги. И подумала не в первый раз за двадцать лет: легче найти дракона в чистом поле, чем найти дар в человеке и не привязаться к нему хоть немного.

То, что она сделала у колодца следующий час, не было волшебством в том смысле, в каком его понимали в деревенских сказках. Ни вспышек света, ни громовых слов. Она попросила Нэлл принести из дома простую медную проволоку, моток бечёвки и горсть соли. Объяснила, как сплести из проволоки грубый, но верный контур — по памяти, по обрывкам знаний, которые Сорэн вложил в неё за годы, что она провела подростком у его лап, слушая истории о том, как хранители подновляют младшие узлы. Контур не залатывал рану — латать её умели только настоящие хранители, а настоящих хранителей в мире больше не осталось. Но он придерживал края, не давал ране расползтись шире. Покупал земле время.

Нэлл держала контур, пока Ирис вплетала в него нить силы — тонкую, почти невидимую даже для неё самой. На середине работы девушка охнула:

— Я чувствую, как оно... выравнивается. Немного. Как будто рану перевязали.

— Именно так это и работает, — подтвердила Ирис, не поднимая глаз от работы. — Перевязка, не исцеление. Через год-другой сюда стоит прислать кого-то, кто умеет больше меня.

— А ты не можешь остаться?

Вопрос был таким простым и таким по-детски прямым, что Ирис на мгновение замерла с ниткой силы между пальцами.

— Не могу, — сказала она наконец. — У меня есть груз, который нельзя долго держать на одном месте.

Нэлл не спросила, что за груз. То ли из деликатности, то ли потому что была слишком поглощена ощущением выравнивающейся под руками земли. За одно это Ирис мысленно поставила ей высокую оценку.

К закату трещина в срубе колодца затянулась серой плёнкой, похожей на затянувшийся шрам, а марево над ней истончилось до едва заметной дымки. Поля, конечно, не выправились за один вечер — для этого потребуется не один сезон. Но дёргающийся, больной ритм жилы под ногами Ирис сменился на ровный, усталый, живой пульс.

Они возвращались в деревню в сумерках. Всю дорогу Нэлл забрасывала Ирис вопросами — о жилах, об узлах, о том, откуда она всё это знает. Ирис отвечала ровно столько, сколько считала безопасным, ни словом не упоминая ни Ковен, ни Уговор, ни сундук с двойным дном.

У въезда в деревню их встретил гул голосов и стук копыт. Ирис остановилась так резко, что Нэлл едва не налетела на неё сзади.

На деревенской площади, у круглого безымянного камня, стояли трое верховых в пепельно-серых плащах Ордена. Рядом с ними, спешившись, — четвёртый, чуть пониже

ростом, с офицерским шевроном на плече. Его голос разносился по всей площади с уверенной ясностью, которая даётся только долгой практикой допросов.

— ...именем Ордена Пепла и волей Инквизиции Кородина, — говорил этот голос, — мы разыскиваем расхитительницу драконьих реликвий, известную под именами «странница», «безымянная» и «женщина с сундуком». Особые приметы: молодая женщина, глаза необычного оттенка, путешествует пешком или с выючным животным. Любые сведения...

Ирис мягко, но твёрдо взяла Нэлл за локоть и увела в тень крайнего дома, прежде чем девушка успела заговорить — или хотя бы как следует разглядеть говорившего.

— Это то, о чём я думаю? — прошептала Нэлл. В голосе её звучал не столько страх, сколько лихорадочное, почти неприличное для момента любопытство.

Ирис смотрела на офицерский силуэт на площади: прямую спину, уверенную посадку, руку, небрежно лежащую на рукояти оружия. Чешуйки за ухом становились холодными.

— Это значит, — тихо сказала она, — что нам с тобой стоит поговорить о том, куда девать твой дар. Желательно подальше отсюда. И довольно скоро.

Глава 2

Человек, который варит хорошую похлёбку

Они ушли из Бродов затемно, через огороды, минуя главную дорогу. Ирис вела Уголя в поводу, Нэлл шла рядом с корзиной. В корзину она наспех побросала половину своих трав, весь запас сушёного хлеба и, как выяснилось уже в пути, любимый нож бабки Ульфы. О пропаже ножа та наверняка узнает не раньше полудня.

— Ты его украла, — констатировала Ирис, разглядывая нож при свете первых сумерек.

— Одолжила, — поправила Нэлл без малейшего раскаяния. — Бабка Ульфа десять лет как обещала оставить мне его в наследство. Я просто ускорила процесс.

Ирис решила, что спорить с этой логикой в четыре утра — не лучшее применение сил, и промолчала.

К вопросу, стоило ли вообще брать девчонку с собой, она вернулась мысленно уже на рассвете, когда они остановились у ручья напоить Уголя. Разум подсказывал очевидное: чем меньше людей знает о сундуке, о жилах, о самой Ирис — тем безопаснее для всех, включая саму Нэлл. Но разум напоминал и другое. Инквизиция уже назвала имя «странница с сундуком» вслух, на деревенской площади. А дар Нэлл — редкий, недвусмысленно редкий дар чувствовать жилы — вряд ли останется незамеченным местными кумушками дольше пары недель. Рано или поздно кто-нибудь свяжет неурожай, залеченный колодец и странную девчонку, которая слишком много знает о земле. Орден Пепла охотился не только за реликвиями — он охотно интересовался людьми с необычными дарованиями. Ирис видела на своём веку достаточно, чтобы знать, чем заканчиваются такие интересы.

— Ты понимаешь, что это не увеселительная прогулка, — сказала она наконец, когда Уголь напился и отряхнулся, обдав их обеих брызгами. — Люди, которые меня ищут, не любят, когда их поиски усложняют.

— Я поняла это в тот момент, когда ты сказала мне заткнуться насчёт колодца, — невозмутимо ответила Нэлл. — Я не дура, Ирис. Я просто травница из деревни, у которой нет будущего, кроме как выйти замуж за кузнеца Дилана и всю жизнь лечить его несварение. У меня дар, который бабка Ульфа даже не понимает, а ты — понимаешь. Так что нет, это не увеселительная прогулка. Это единственный шанс, который у меня когда-либо будет.

Сказано это было с такой прямоотой и такой не по годам взрослой ясностью, что Ирис удивилась. За двадцать лет дороги она научилась не удивляться почти ничему. Удивили её не слова даже, а узнавание: она сама когда-то, очень давно, тем же голосом сказала нечто похожее Сорэну. Он тогда тоже посмотрел на неё долгим, оценивающим взглядом, прежде чем позволить остаться.

— Хорошо, — сказала она. — Но правила устанавливаю я. И первое правило: ты делаешь то, что я говорю, без вопросов, когда я говорю «без вопросов». Вопросы — потом, у костра, сколько угодно.

— Договорились, — просияла Нэлл так, будто ей только что подарили королевство, а не список смертельных опасностей.

К полудню они вышли на большой тракт, соединявший приграничные земли Кородина с торговым Тавенна. Почти сразу упёрлись в толчею: обоз торговцев солью встал поперёк дороги. Переднее колесо одной из телег провалилось в промоину, и вокруг уже собралась небольшая, взвинченная толпа возниц. Каждый знал верное решение, и ни один не соглашался с остальными.

Ирис хотела было обойти затор стороной — лишнее внимание ей было ни к чему. Но взгляд зацепился за человека, который стоял чуть в стороне от общего гвалта, привалившись плечом к своей телеге, и явно ждал, пока крикуны выдохнутся сами.

Крупный, лет сорока, с седой прядью на виске. Шрам над бровью выглядел не украшением, а старым, давно заросшим неудобством. Одет просто: кожаная куртка, потёртый пояс с двумя ножами и коротким мечом. Но осанка и то, как он держал руки — свободно, но недалеко от оружия, — выдавали в нём военного. Даже сейчас, годы спустя после того, как он им перестал быть.

— Вы двое собираетесь стоять и глазеть, или всё-таки поможете вытащить телегу до заката? — спросил он, не оборачиваясь, будто почувствовал их взгляды спиной.

— А платят за помощь? — уточнила Нэлл прежде, чем Ирис успела ответить хоть что-нибудь.

Мужчина обернулся и впервые взглянул на них по-настоящему. Скользнул глазами по дорожному плащу Ирис, по притороченному к спине мула сундуку, по решительному лицу Нэлл. Что-то в его выражении едва заметно изменилось — стало чуть внимательнее, чуть настороженнее.

— Платят похлёбкой, — сказал он. — Хорошей похлёбкой, между прочим. Я варю лучше, чем большинство трактирщиков на этом тракте.

— Договорились, — снова просияла Нэлл. Не успела Ирис и слова сказать, как та уже стаскивала с плеч дорожную корзину, готовясь впрячься в общее дело.

Ирис вздохнула, мысленно взвесила риски — лишний свидетель против лишних рук в тот момент, когда за ней охотится Инквизиция и нужно как можно скорее исчезнуть с большого тракта, — и решила, что час задержки ради доброго дела не изменит существенно её положения. Ради хорошей похлёбки, чего уж скрывать, тоже.

Час превратился в два. Телегу вытаскивали всем миром: с брёвнами под колёса, с криками «раз-два, взяли». Нэлл командовала процессом так уверенно, будто провела на этом тракте всю жизнь, а не сбежала из родной деревни накануне ночью. Седой мужчина, когда дело было сделано, назвался Гарт. Без фамилии — «как и положено человеку без прошлого», добавил он с кривой усмешкой, не пояснив, шутит он или нет. Похлёбка у него и правда вышла хорошая: с дичью, с диким луком, с каким-то тонким пряным корнем, который он, по его словам, сам собирал в лесах Тавенны и держал в отдельном мешочке, как сокровище.

Они сидели у общего костра обоза уже в сумерках, когда Гарт спросил — из чистого разговорного любопытства, а не подозрения, хотя Ирис не была до конца в этом уверена:

— Куда путь держите? Тракт этот в основном к границе Тавенны ведёт. Не самое спокойное направление сейчас.

— На север, в итоге, — уклончиво ответила Ирис. — А что не так с направлением?

Гарт помешал угли палкой. Что-то в его лице на мгновение затвердело — не подозрительность, а что-то более старое и более личное.

— Инквизиция шерстит приграничье третью неделю. Ищут какую-то воровку драконьих реликвий, судя по слухам. Хватают людей за меньшее, чем неудачно заданный вопрос. — Он посмотрел на Ирис прямо, не отводя взгляда. В этом взгляде Ирис прочла нечто похожее на узнавание, хотя откуда ему было её узнать, она понятия не имела. — Странно, что вы двое идёте именно этим трактом. Круглая дорога через холмы Ирны куда спокойнее в эти дни.

— Круглая дорога длиннее на два дня, — сказала Ирис ровно.

— Это да, — согласился Гарт. — Зато на ней не расставлены посты Ордена через каждые пять миль.

Повисла пауза. Ирис успела просчитать три способа закончить этот разговор — от вежливого прощания до менее вежливых вариантов. Но тут в разговор влезла Нэлл, обгладывая куриную косточку с энтузиазмом, который начисто убивал всю накопившуюся за столом настороженность:

— А вы служили в Ордене? Ну, раньше?

Гарт помолчал. Молчание было куда красноречивее любого ответа.

— В армии Кородина, — сказал он наконец. — Не в Ордене. Разница есть, хоть кородинцы её и любят стирать. Я был рядовым в те годы, когда... — он снова помешал угли, глядя не на них, а куда-то в темноту за костром. — В общем, был рядовым двадцать лет назад. Достаточно, чтобы кое-что видеть и ничего с этим не сделать. С тех пор варю похлёбку и вожу обозы. Компенсация, можно сказать.

Ирис почувствовала, как чешуйки за ухом становятся холодными — не от угрозы, а от узнавания иного рода. Двадцать лет назад. Рядовой. «Кое-что видел и ничего не сделал». Слова были расплывчатыми. Интонация — нет. Она была слишком точной, слишком похожей на интонацию человека, который двадцать лет носит в себе одну и ту же незаживающую рану.

— Компенсация редко работает так, как задумана, — сказала она тихо, не столько ему, сколько себе самой.

Гарт посмотрел на неё долгим взглядом. Впервые в этом взгляде не было ни настороженности, ни любопытства — только узнавание равного. Двое людей, которые двадцать лет носят на себе одну и ту же войну, каждый по-своему, редко нуждаются в долгих объяснениях, чтобы почувствовать друг друга.

— Нет, — согласился он. — Не работает.

Ночью, когда Нэлл уснула у костра, зарывшись в плащ, а обоз затих, оставив только храп возниц и потрескивание углей, Ирис отошла к дальнему краю лагеря — проверить Уголя и, чего уж таить, сундук. Там она обнаружила Гарта. Он тоже не спал: сидел на перевёрнутом бочонке с ножом и куском дерева в руках, вырезая что-то пока бесформенное, но явно осмысленное.

— Не буду спрашивать, что в сундуке, — сказал он, не поднимая головы от работы. — Но скажу одно: если Инквизиция ищет женщину с сундуком, и ты — женщина с сундуком, идущая напрямик через посты Ордена, тебе либо очень нужно на север, либо ты сама не понимаешь, во что ввязалась.

— Нужно на север, — подтвердила Ирис. — Очень нужно.

Гарт кивнул, будто это было исчерпывающим ответом. Возможно, для него так оно и было.

— Обоз с солью идёт до границы Тавенны, а дальше я поворачиваю на север сам — есть дело в Свободных землях. Могу проводить вас с девчонкой мимо главных постов. Знаю тропы, которыми ходят контрабандисты, безопаснее большого тракта. Не бесплатно, — добавил он, прежде чем Ирис успела заподозрить его в неуместном благородстве. — Мне тоже надо на что-то жить.

Ирис взвесила предложение так же, как двадцать минут назад взвешивала решение помочь с телегой: риск против выгоды, чужой человек против безопасного пути через опасную территорию. Что-то в прямоте Гарта склоняло чашу весов в его пользу больше, чем она сама была готова признать вслух. Он не задавал лишних вопросов и не делал вид, что не заметил очевидного.

— Плачу серебром, — сказала она. — И ещё одно условие: если ты хоть словом обмолвишься кому-либо о сундуке — Ордену, солдатам, случайному собутыльнику в трактире, — наша сделка на этом заканчивается. И заканчивается плохо для тебя. Понятно?

Гарт наконец поднял голову от резьбы. В свете затухающего костра его лицо на мгновение показалось Ирис куда старше сорока лет — усталым той особой усталостью, которая копится не от бессонных ночей, а от двадцати лет молчания о том, чего не должен был видеть.

— Понятно, — сказал он просто. — Я двадцать лет молчу о вещах похуже сундука, странница. Твой секрет в надёжных руках.

Ирис не знала, что заставило её поверить ему сразу, без обычной многолетней осторожности. То ли усталость самого Гарта, слишком настоящая, чтобы быть игрой. То ли что-то менее рациональное, чему она не подобрала пока названия. Но она поверила.

— Ирис, — сказала она, впервые за вечер называя своё настоящее имя вслух чужому человеку. — Меня зовут Ирис.

— Гарт, — повторил он, будто имя того стоило. — Приятно познакомиться, Ирис. Похлёбка утром будет ещё лучше вчерашней — обещаю.

Она не улыбнулась — по крайней мере, не позволила себе улыбнуться так, чтобы это было заметно. Но что-то в груди, давно привычное к постоянному, ровному одиночеству дороги, чуть сдвинулось. Будто освобождая место для чего-то нового.

Наутро они свернули с большого тракта на едва заметную тропу, ведущую в объезд ближайшего поста Ордена. Ирис оглянулась на дорогу, которую они покидали, и не заметила ни всадников в пепельно-серых плащах, ни каких-либо иных признаков погони.

Она не знала, что в тот самый час, в тридцати милях позади, инквизитор Кессия Дран стояла на деревенской площади Бродов. Разглядывала свежезалатанную трещину в срубе старого колодца с тем особенным, холодным вниманием человека, который начинает понимать: слухи о «страннице с сундуком» — не просто слухи.

Глава 3

Тропа контрабандистов

Тропа, которую Гарт называл «своей», оказалась вовсе не тропой в привычном смысле. Скорее цепочкой едва заметных примет: сломанная ветка здесь, камень, положенный на другой камень там, зарубка на коре, которую и с трёх шагов не всякий бы заметил. Она вилась через холмистый край на границе Кородина и Тавенны, огибая посты Ордена такими широкими дугами, что временами казалось, будто они идут не в объезд, а вовсе в другую сторону.

— Ты уверен, что мы вообще движемся на север? — спросила Нэлл на второй день, оглядывая в который раз солнце, стоявшее у них явно не за спиной, как полагалось бы.

— Прямая дорога — для тех, кому нечего скрывать, — отозвался Гарт, не оборачиваясь. — А у нас, если ты не забыла, женщина с сундуком, которую разыскивает вся Инквизиция Кородина. Так что да, я уверен. Просто уверенность моя выглядит как крюк в два лишних дня.

Нэлл что-то проворчала себе под нос — не столько раздражённо, сколько для порядка. Ирис, идущая чуть позади с Углём в поводу, поймала себя на том, что наблюдает за этими двумя с непривычным, почти забытым чувством. За двадцать лет дороги у неё было немало попутчиков — большинство нанятых, немногие случайных. Но давно, очень давно она не позволяла себе роскошь наблюдать за людьми не как за источниками риска, а просто как за людьми.

Гарт оказался на удивление разговорчивым, стоило ему освоиться. Не о себе — о себе он говорил скупно. Зато о самой дороге, о лесах Тавенны, о травах, которые Нэлл жадно записывала угольком на обрывке пергамента, о повадках диких коз в этих холмах и о том, как правильно разжигать костёр в дождь, чтобы дым не выдавал стоянку с полумили. Нэлл впитывала всё это с той же жадностью, с какой впитывала знания о жилах силы. Три года в деревне Броды, где единственным развлечением была свадьба соседской козы, оставили в ней бездонный колодец нерастратченного любопытства.

К вечеру третьего дня они вышли к маленькому хутору, прижавшемуся к подножию холма — три дома, загон для коз, огород, огороженный низким плетнём. Жители хутора, семья по фамилии Корн, второй месяц не спали ночами.

— Волки, — сказал глава семьи, коренастый мужчина с испуганными, воспалёнными от бессонницы глазами. — Только не обычные волки. Обычные воют издали и держатся стаями. Эти — тихие. Приходят по одному, режут коз и уходят, не тронув мяса, будто им и дела нет до еды. И глаза у них... — он замялся, явно опасаясь, что его сочтут сумасшедшим. — Светятся неправильно. Не жёлтым, как у обычного зверя. Серым. Как пепел на углях.

Гарт и Ирис переглянулись одновременно. Ирис не нужно было спрашивать, о чём подумал он: то же самое, о чём подумала она сама.

— Серые глаза, тихая охота, режут, но не едят, — повторила она вслух. — Это не волки, дядюшка Корн. Это гончие Ордена. Выведенные твари, натасканные искать по следу, а не по добыче.

Мужчина побледнел так, что Нэлл на всякий случай придвинулась к нему поближе, готовая ловить, если он вдруг решит упасть в обморок.

— Орден? Здесь? Зачем Ордену наш хутор?

— Не хутор, — тихо сказала Ирис. Чешуйки за ухом у неё похолодели от нехорошего предчувствия. — Дорога. Гончих спускают вдоль троп, которыми, по их расчётам, может пройти беглец. Судя по всему, кто-то в Ордене решил, что контрабандистские тропы через эти холмы стоит проверить.

Гарт выругался коротко и по-военному и уже через минуту раскладывал на земляном полу хижины грубую карту холма, вычерченную угольком.

— Гончих не убить обычным оружием, — сказал он, обращаясь больше к Ирис, чем к перепуганному хозяину. — Я видел таких в деле, давно, ещё когда служил. Их можно только отпугнуть — резким светом, громким звуком, или...

— Или солью и медью, — закончила за него Ирис. — Если это правда гончие Ковена — то есть Ордена, — то их плоть отчасти сплетена с той же силой, что и жилы земли. Соль и медь режут эту силу, как обычный клинок режёт плоть.

Она посмотрела на Нэлл. Та уже рылась в своей корзине с сосредоточенным видом человека, вспоминающего собственный урок, преподанный три дня назад у пересохшего колодца.

— У меня есть медная проволока, — сказала Нэлл. — И соль в достатке.

Следующие два часа они развешивали по периметру хутора грубые обереги — переплетённую медь с солью, завязанную в узлы. Этим узлам Ирис учила Нэлл всего три дня назад, хотя время на дороге всегда текло страннее, чем в деревнях, и казалось, будто прошло куда больше. Гарт тем временем обходил хутор снаружи, отмечая тропы, по которым, по его военному опыту, скорее всего придут звери — если придут вообще.

Они пришли ближе к полуночи. Три тени, действительно тихие настолько, что Нэлл, дежурившая первой, заметила их только по движению теней у самого плетня, не по звуку. Серые глаза и правда светились неправильным, будто изнутри выжженным светом.

Обереги сработали не идеально. Один из зверей всё же прорвался почти до самого загона. Гарт встретил его коротким мечом с обмотанным медной проволокой лезвием — импровизация Нэлл, воплощённая в последний час перед сумерками, — и отогнал прочь резким, каким-

то нечеловечески быстрым движением. Ни одна коза, ни один человек не пострадали. К рассвету серые тени отступили в холмы, будто устав от бесплодной охоты.

Дядюшка Корн наблюдал всё это из окна с топором в руках, который так и не пригодился. Наутро он попытался всучить им половину своих скудных сбережений. Ирис отказалась, взяв взамен лишь еды в дорогу и обещание: семья, если сможет, покинет хутор до следующей зимы. Гончие вернутся, а в следующий раз берегов может не хватить.

— Ты неплохо дерёшься для повара, — заметила Ирис тем же вечером, когда они снова разбили лагерь, уже на безопасном расстоянии от хутора.

Гарт, точивший меч у костра — то самое, обмотанное медью лезвие, — фыркнул, не поднимая головы.

— Двадцать лет назад я был не поваром.

— Знаю. Ты говорил — рядовой.

— Рядовой, который дожил до седых волос, — уточнил он. — В армии Кородина это отдельное достижение, поверь. — Он наконец поднял взгляд. В свете костра его лицо выглядело странно открытым, будто усталость от бессонной ночи стёрла обычную сдержанность. — Я неплохо дерусь, потому что меня этому долго учили, а потом долго заставляли применять это умение на людях, которые не всегда того заслуживали. Похлёбка — не компенсация, я тебе честно скажу. Просто то, что я умею делать хорошо и без того, чтобы кто-нибудь от этого пострадал.

Ирис молчала, глядя в огонь. За двадцать лет дороги она слышала десятки версий этой истории — солдаты, стражники, наёмники, все с одним и тем же грузом за плечами. Каждый нёс его по-своему. Но что-то в прямоте Гарта, в отсутствии жалости к себе самому, трогало её иначе, чем обычно.

— Ты был в приграничье двадцать лет назад, — сказала она не как вопрос, а как утверждение.

Гарт застыл с точильным камнем в руке.

— Откуда ты...

— Интонация, — ответила она просто. — Люди, которые видели Великую Охоту вблизи, говорят о ней одинаково. Даже когда стараются не говорить вовсе.

Он долго молчал, и Ирис не торопила его. Она давно научилась ценить молчание не меньше слов — особенно когда оно предшествует чему-то важному.

— Я был в конвое, — сказал он наконец, глядя не на неё, а в темноту за пределами костра. — Не в тех отрядах, что... делали дело. В обозе, что вёз потом трофеи в столицу. Я видел, что везли. — Голос его стал тише, суше. — Я видел яйца, Ирис. Разбитые. Специально разбитые, чтобы никто и никогда не сказал потом, что хоть один детёныш выжил. Мне было двадцать два года. Я стоял на страже фургона и молчал, потому что мне сказали — так надо. Потому что драконы обезумели. Потому что деревня Дол Кресте лежала в пепле, и я видел этот пепел своими глазами, ещё дымящийся.

Он посмотрел на неё, и в этом взгляде было столько застарелой, невыговоренной боли, что Ирис на мгновение забыла собственную многолетнюю осторожность.

— Только годы спустя, — продолжил Гарт, — я встретил человека, который был в Дол Кресте до пожара. Крестьянин, чудом уцелевший, бежавший в Тавенну. Он сказал мне то, чего я не мог забыть с тех пор: пожар в Дол Кресте начался не с неба. Начался с земли. С факелов. С людей в пепельных плащах, которые вошли в деревню за день до того, как «драконы обезумели».

Тишина после этих слов была плотной, почти осязаемой. Ирис почувствовала, как что-то в груди — старое, двадцать лет копившееся — сжимается. И впервые за все эти годы находит отклик снаружи, не только внутри неё самой.

— Я знаю, — сказала она тихо. — Я тоже это знаю, Гарт. Я была там — не в Дол Кресте, а на перевале Ирна, в тот день, когда убили последнего хранителя моего Ковена. Я двадцать лет ищу правду о том, кто на самом деле отдал приказ и зачем. И то, что в моём сундуке, — не реликвии, которые я украла. Это то немногое, что осталось от целого народа, который не совершал того, в чём его обвинили.

Она не собиралась говорить этого — ни в первую неделю знакомства, ни, возможно, вообще никогда так прямо. Но слова вырвались сами, подхваченные общим, разделённым на двоих грузом двадцатилетней тайны.

Гарт долго смотрел на неё. По его лицу Ирис видела, как одна за другой рушатся какие-то внутренние преграды — недоверие, самозащита, привычка не удивляться ничему после того, что он видел двадцать лет назад.

— Яйца, — сказал он наконец, не как вопрос, а как узнавание. — В сундуке. Живые.

— Пять, — подтвердила Ирис. — Последние пять на весь континент, насколько мне известно.

Он не отшатнулся, не потянулся к оружию, не начал засыпать её вопросами о том, безопасно ли это, разумно ли. Вместо этого молча кивнул, будто это знание просто заняло своё законное место среди прочего груза, который он нёс двадцать лет, и произнёс лишь:

— Тогда я тем более провожу вас на север. И буду молчать надёжнее, чем прежде.

Нэлл, разумеется, не спала — притворялась, зарывшись в плащ по другую сторону костра. По едва заметному напряжению плеч Ирис поняла: девушка слышала каждое слово. Наутро, впрочем, она не задала ни единого вопроса. Только посмотрела на сундук долгим, полным нового понимания взглядом и молча прибавила шаг, помогая Ирис вести Уголя по узкой тропе.

Они прошли ещё день, прежде чем Гарт, шедший впереди, вдруг замер на гребне холма, вглядываясь в долину внизу.

— Что там? — спросила Ирис, подходя ближе.

Далеко внизу, у самого края леса, едва различимая на фоне выгоревшей осенней травы, стояла одинокая фигура всадника. Неподвижная, будто наблюдающая за ними в ответ — хотя расстояние было слишком велико, чтобы утверждать это наверняка.

— Не знаю, — тихо сказал Гарт. — Но она стоит на нашей тропе вот уже третий час. И не двигается с места.

Ирис прищурилась, вглядываясь в далёкую фигуру, и почувствовала, как чешуйки за ухом медленно, неумолимо холодеют.

Глава 3½

Мельница у Сорочьего ручья

Мельница показалась им на четвёртый день пути по тропе контрабандистов — покосившееся деревянное строение на берегу узкого, шумного ручья. Колесо не двигалось уже, судя по обильному мху на лопастьях, добрый месяц, хотя вода текла достаточно быстро, чтобы вращать его без всякого труда.

— Странно, — заметил Гарт, разглядывая застывшее колесо с профессиональным недоумением человека, немало повидавшего на своём веку захолустных построек. — Течение сильное, колесо целое. Должно работать.

Хозяин мельницы, сутулый мужчина средних лет по имени Одо, встретил их у порога с топором в руках. Предосторожность он тут же смущённо отложил, разглядев, что перед ним не грабители, а обычные путники. История, которую он рассказал, заставила Ирис насторожиться задолго до того, как Одо договорил до конца.

— Каждую ночь, как стемнеет, из-под мельничного колеса доносится вой, — сказал он, нервно оглядываясь на застывший механизм. — Не волчий, не звериный вовсе — вой, от кото-

рого молоко у коров сворачивается, а куры перестают нестись. Я перестал молотить зерно по ночам месяц назад, с тех самых пор, как это началось. Селяне говорят — дух реки обиделся, требует подношения. Я уж и муку сыпал в воду, и монеты бросал — не помогает.

Нэлл навестила уши при первом же упоминании о непонятном звуке и тут же придвинулась ближе.

— А днём вой прекращается?

— Днём тихо, — подтвердил Одо. — Только колесо почему-то не крутится, будто что-то держит его снизу, у самой оси.

Ирис спустилась к берегу ручья, присела на корточки у мельничного колеса и прислушалась не ушами, а тем внутренним, более глубоким чутьём, которое редко её подводило. Угрозы жилы силы она не почувствовала. Не почувствовала и трещины, требующей починки. Только слабое, но безошибочно живое присутствие — зажатое, испуганное, страдающее от боли, но не злонамеренное.

— Там что-то живое, — сказала она тихо. — Не дух реки в том смысле, в каком его боится Одо. Что-то застрявшее.

Гарт не стал тратить время на лишние вопросы. Снял сапоги и, невзирая на ледяную апрельскую воду, забрёл в ручей, чтобы осмотреть ось колеса снизу. Через минуту он вынырнул, отфыркиваясь, с встревоженным выражением лица.

— Там детёныш, — сообщил он. — Не знаю точно, чей — то ли выдры, то ли какого-то более редкого зверя. Лапа зажата между спицей и осью, и, судя по виду, уже давно. Неудивительно, что колесо не крутится и зверёк воет каждую ночь от боли и голода.

Освобождение застрявшего создания заняло остаток дня. Зверёк действительно походил на выдру, только с более длинной, почти лисьей мордой и странными, полупрозрачными перепонками между пальцев. Позже, когда к ним присоединился Дариен, он определит его как речного стража — существо, которое, по старым поверьям Ирсы, само по себе являлось хранителем малых водных жил. Что-то вроде дальнего, куда более скромного родственника драконьих Ковенов.

— Значит, я был прав насчёт духа реки, — с облегчением выдохнул Одо. Он наблюдал, как Нэлл осторожно накладывает повязку на израненную лапу зверька, а тот, вместо того чтобы вырываться, прижимается к её рукам с той же доверчивой благодарностью, какую в своё время проявил новорождённый Пим. — Просто дух этот оказался куда меньше и куда более нуждающимся в помощи, чем я себе представлял.

— Духи редко оказываются такими, какими их рисует людской страх, — заметила Ирис, наблюдая за сценой с тёплой, редкой для неё умиротворённостью. — Чаще всего это просто те, кому нужна помощь, а не поклонение.

Они провели у мельницы ещё два дня, выхаживая раненого зверька, пока тот не окреп достаточно, чтобы вернуться в ручей самостоятельно. Всё это время Пим, будто почувствовав в маленьком собрате родственную душу, не отходил от него ни на шаг. Нэлл наблюдала за неуклюжей дружбой дракона и полуутонувшей выдры с почти материнской нежностью.

Колесо мельницы, освобождённое от застрявшего страдальца, наконец завертелось с прежней силой. На пятый день Одо провожал их в путь и вопреки вежливым отказам Ирис всучил им целый мешок свежемолотой муки. И клятвенное обещание рассказывать каждому проезжему путнику, что дух Сорочьего ручья — не злобный демон, требующий подношений, а всего лишь тот, кому однажды посчастливилось встретить добрых странников.

— Мука не помешает, — рассудительно заметил Гарт, взваливая мешок на спину Уголя. — Особенно если учесть, сколько мы едим в последнее время, кормя одного растущего дракона и один растущий аппетит нашей юной травницы.

— Я не так уж много ем! — возмутилась Нэлл, хотя её собственный, весьма внушительный завтрак тем утром говорил об обратном. Ирис и Гарт обменялись понимающими взглядами за её спиной.

Той же ночью, уже вдалеке от мельницы, на очередном привале Ирис не могла отделаться от мысли: история с речным стражем, при всей своей скромности на фоне заговора Пепельного Совета, тронула её сильнее, чем она ожидала.

— Знаешь, — сказала она Гарту, когда они устроились у костра вдвоём, а Нэлл спала, утомлённая долгим днём, — двадцать лет я думала, что моя единственная задача — уберечь пятерых спящих в сундуке. Что всё остальное — деревенские тяжбы, застрывшие зверьки, треснувшие колодцы — лишь досадные отвлечения от главного дела.

— А теперь? — тихо спросил Гарт, подбрасывая веток в костёр.

— А теперь я думаю, что, может быть, в этом и заключалось главное дело всё это время, — призналась Ирис. — Не только спасти яйца. Но и не разучиться замечать маленькие, обычные страдания по дороге к большой цели. Сорэн однажды сказал мне, что хранитель — это не тот, кто оберегает лишь великое и легендарное. А тот, кто одинаково внимателен и к треску Печати, и к вою застрывшей под мельничным колесом выдры.

Гарт долго молчал, глядя на пламя. На лице его отражалось что-то тёплое, задумчивое.

— Тогда, полагаю, — сказал он наконец, — из тебя выйдет неплохой хранитель, Ирис. Не только Дитя Уговора. Настоящий.

Она не ответила сразу — просто придвинулась ближе к нему, позволяя себе редкую роскошь молчаливой, ничем не омрачённой близости. И подумала: возможно, именно из таких маленьких, случайных остановок на долгом пути и складывается то, что действительно стоит защищать, когда придёт время большого, решающего противостояния.

Глава 4

Инквизитор

Кессия Дран провела в седле шесть часов, наблюдая за гребнем дальнего холма. Была почти уверена, что видела там движение: трёх путников, мула с грузом на спине. Слишком далеко, чтобы разглядеть детали. Слишком коротко, чтобы бросить погоню без риска потерять и без того слабый след.

Она была офицером Ордена Пепла девять лет. Начинала писарем в архиве Инквизиции в шестнадцать, к двадцати трём получила первый самостоятельный отряд, к двадцати девяти — репутацию человека, который не бросает дело на середине. Эту репутацию она заработала не связями (отец её был кузнецом в захолустье Кородина, не более того) и не удачей, а методичностью. И та же методичность подсказывала ей сейчас: женщина с сундуком, которую она преследует уже третью неделю, слишком умна, чтобы попасться на глаза случайно.

— Капрал, — сказала она, не оборачиваясь к своему спутнику, невысокому крепкому мужчине по имени Осс, который вот уже час переминался с ноги на ногу позади неё. — Что говорит донесение из Бродов?

— Целительница затынула трещину в старом колодце, — доложил Осс, сверяясь с потрёпанным свитком. — Селяне уверены, что это была бродячая знахарка. Приметы совпадают с приметами вашей странницы: молодая женщина, необычные глаза, дорожный плащ. С ней ушла местная девчонка, ученица травницы. Обе исчезли той же ночью, до рассвета.

— Значит, она не одна больше, — задумчиво произнесла Дран. — Это интересно. Одиночка избегает лишних глаз. Кто-то, кто набирает спутников по дороге, либо теряет осторожность, либо... — она замолчала, обдумывая мысль, которая тревожила её последние два дня, ту самую мысль, что заставляла её сомневаться в собственном официальном донесении. — Либо готовится к чему-то, для чего одной ей не справиться.

Осс благоразумно промолчал. Он служил под её началом три года и давно усвоил: вопросы во время размышлений капитана Дран лучше приберечь на потом.

Официальная версия, которую Дран озвучивала на каждой деревенской площади, была проста: расхитительница драконьих реликвий, опасная преступница, разыскиваемая за кражу артефактов Ковена из-под охраны Ордена. Эту версию ей выдали в столице вместе с приказом, вместе с описанием, вместе с полномочиями поднимать посты по всему приграничью. Дран верила ей твёрдо — ровно до того дня, три недели назад, когда обнаружила в разграбленном (по донесениям — «странницей») святилище близ Ирны не следы кражи реликвий, а нечто куда более странное. Пустое каменное гнездо, выложенное мягким мхом, будто для высиживания. И рядом — свежие, совсем недавние человеческие следы, ведущие прочь с осторожностью. Такая осторожность выдаёт не вора, спешащего унести добычу, а того, кто уносит нечто хрупкое, живое, требующее бережности.

Реликвии не высиживают в гнёздах. Реликвии не требуют осторожного обращения, будто от резкого движения могут разбиться заживо.

Кессия Дран не была душой. Она девять лет служила Ордену, верила в его миссию — защиту людей от угрозы, которую драконы представляли, угрозу, доказанную кровью Дол Кресте. Но та же методичность, что сделала её карьеру, не позволяла ей закрыть глаза на несостыковку между официальным донесением и тем, что она видела собственными глазами в пустом гнезде святилища.

«Может, это ничего не значит, — сказала она себе тогда, три недели назад, и повторяла с тех пор едва ли не каждый день. — Может, гнездо было пустым задолго до странницы, а она просто искала другое».

Может быть. Но методичность требовала проверить.

Ирис, Гарт и Нэлл провели остаток дня, петляя по холмам с удвоенной осторожностью. Гарт вёл их окольными путями, избегая гребней, где силуэты были бы видны издалека. К вечеру они достигли места, которое Гарт назвал «последним безопасным укрытием перед тавеннской границей»: заброшенной пастушьей хижины, вросшей в склон холма так плотно, что с расстояния в полсотни шагов её можно было принять за обычный выступ скалы.

— Она нас видела, — сказала Нэлл, впервые за весь день нарушив напряжённое молчание, стоило им забраться внутрь и завесить единственное окно старой мешковиной. — Та всадница на холме. Я чувствовала, как она смотрит. Как будто... — девушка нахмурилась, подбирая слова для ощущения, для которого, очевидно, не имела прежде повода искать название. — Как будто жила земли под её лошадьёю тоже была беспокойной. Будто она сама часть чего-то, что ищет.

Ирис резко подняла голову.

— Ты почувствовала это на таком расстоянии?

— Я не знаю, что я почувствовала, — призналась Нэлл, — но да. Что-то. Не как с колодецем, слабее, но... настойчивее, что ли.

Гарт разжигал в углу хижины крошечный, почти бездымный костёр из сухого репейника — искусство, которым он, судя по всему, владел в совершенстве, — и поднял взгляд.

— Инквизиторы Ордена иногда носят метки, — сказал он тихо. — Не такие, как у Ирис — слабее, ремесленные, приданные через ритуал, а не рождённые в крови. Но метки, которые позволяют им чутя определённые вещи. Артефакты. Возможно, и живую силу тоже, если её достаточно рядом.

Ирис похолодела — не от страха за себя, а от внезапно ясного понимания. Если Нэлл права, если инквизитор действительно способен почувствовать присутствие чего-то живого и наделённого силой, то сундук с пятью яйцами был не просто грузом, который нужно скрывать

от посторонних глаз. Он был маяком, светящимся для любого, кто умел смотреть правильным зрением.

— Нам нужно уходить сегодня же, — сказала она. — Ночью, пока она не успела поднять тревогу или собрать отряд.

— Согласен, — кивнул Гарт, уже гася костёр. — Но есть проблема. Единственная дорога отсюда до тавеннской границы, которую я знаю достаточно хорошо, чтобы вести ночью, проходит через брод у Сухой Балки. А брод этот прекрасно виден с того самого холма, где стояла твоя всадница.

Они дождались темноты — беззвёздной, плотной, с низкими облаками, затянувшими небо ещё с полудня. Гарт назвал это редкой удачей. Они двинулись вниз по склону холма настолько тихо, насколько это было возможно с мулом, сундуком и семнадцатилетней девушкой, для которой скрытное передвижение оставалось новым, неотработанным навыком.

Брод у Сухой Балки оказался неглубоким, но каменистым. Уголь, обычно невозмутимый, дважды всхрипнул, оступаясь на скользких камнях, — звук, разнёсшийся, как показалось Ирис, на всю долину. Она замерла, вслушиваясь в темноту, и услышала — далеко, но безошибочно — стук копыт, идущий не от них, а навстречу.

— Патруль, — одними губами произнёс Гарт, уже подталкивая её и Нэлл в тень прибрежных ив. — Не меньше двух всадников.

Они укрылись за упавшим стволом на самом краю брода. Ирис зажала Углю морду ладонью, моля всех богов, в которых давно перестала верить, чтобы мул не выбрал именно этот момент для одного из своих внезапных всхрипов. Из темноты на противоположном берегу выступили силуэты двух всадников с фонарём, прикрытым тёмным стеклом, дающим лишь узкий, тусклый луч.

— Ничего, капитан, — донёсся до них мужской голос — тот самый капрал Осс, хотя они, разумеется, не знали ни его имени, ни звания. — Брод пуст.

Второй силуэт — женский, стройный, с прямой, напряжённой посадкой в седле — не ответил сразу. Глаза Ирис за двадцать лет ночных дорог давно привыкли различать больше, чем положено человеческому зрению. Она разглядела в темноте лицо инквизитора: молодое, острое, с внимательным, немигающим взглядом, обращённым не на брод, а куда-то вдоль берега — будто выискивающим нечто, что не улавливалось обычным зрением.

Ирис затаила дыхание, чувствуя, как под пальцами беспокойно, но, к счастью, беззвучно дрожат ноздри Уголя.

— Она была здесь, — тихо, почти про себя произнесла инквизитор. В её голосе не было сомнения — только холодная, методичная уверенность. Ирис поняла: перед ними не обычная ищейка Ордена, посланная по общему приказу, а человек, который действительно, по-настоящему что-то чувствует.

— Капитан?

— Здесь, Осс. Совсем недавно. — Инквизитор помолчала, вглядываясь в темноту у самой кромки воды — так близко к их укрытию, что Ирис ощутила, как рядом напрягся Гарт, беззвучно перенося вес на пальцы, готовясь, если понадобится, к самому худшему. — Но сейчас уже нет. Странно.

Она развернула коня, ещё раз обвела взглядом берег. На мгновение, всего на мгновение, её взгляд, как показалось Ирис, остановился прямо на упавшем стволе, за которым они прятались. Задержался на удар сердца дольше, чем случайная проверка местности.

Затем инквизитор коротко кивнула своему капралу, и оба всадника развернули коней прочь от брода, вверх по склону, туда, откуда пришли.

Ирис не позволила себе выдохнуть, пока стук копыт не растаял окончательно вдалеке. Когда наконец разжала пальцы, стискивавшие храп Уголя, обнаружила, что рука у неё дрожит — чего не случилось уже много лет.

— Она нас почти нашла, — прошептала Нэлл дрожащим голосом. — Она стояла в десяти шагах и почти нас нашла.

— Не почти, — тихо возразил Гарт, помогая Ирис подняться на ноги. — Она нас нашла. Просто решила, что ошиблась чутьём. В следующий раз так не решит.

Ирис молчала, глядя туда, где растворилась в темноте фигура инквизитора. Узнавание её острого, немигающего взгляда отпечаталось где-то на границе памяти — будто предупреждение о будущей встрече, от которой не удастся уйти столь же удачно.

— У неё есть чутьё на нас, — сказала она наконец. — Настоящее чутьё, не просто донесения о слухах. Это значит, дорога впереди станет только труднее.

Они перешли брод в полном молчании. Ирис оглянулась напоследок на опустевший берег и поймала себя на мысли: в холодной методичности инквизитора было нечто, вызывавшее не только страх, но и странное, неуместное уважение. Как узнаёшь родственную душу в человеке, который по всем законам мира должен быть твоим врагом.

Она не знала тогда, что пройдёт немало месяцев дороги, прежде чем эта догадка подтвердится куда более неожиданным образом, чем она могла представить в ту беззвёздную ночь у брода Сухой Балки.

Глава 4½

Праздник урожая в Тихой Заводи

После напряжённой ночи у брода Сухой Балки Гарт настоял: всем нужен день полноценного отдыха, прежде чем продолжать путь к тавеннской границе. В первую очередь — измученному нервным потрясением Углю. Выбор пал на маленькую деревушку Тихая Заводь. Она стояла достаточно далеко от большого тракта, чтобы считаться безопасной, но при этом была достаточно оживлённой: по счастливому совпадению именно в этот день там праздновали ежегодный праздник урожая.

— Один день, — пообещала Ирис, хотя сама не была уверена, кого убеждает больше — спутников или собственную, привычную к постоянной настороженности натуру. — Один день отдыха нам не повредит, а Уголь, кажется, вот-вот откажется идти дальше без него.

Деревня встретила их гирляндами из сплетённых колосьев на каждом заборе и двери, длинными столами, вынесенными прямо на центральную площадь и уже ломящимися от угощений. И той особой, заразной радостью, что охватывает целое поселение раз в год, когда урожай наконец собран, а зима ещё не успела омрачить праздничное настроение своей близостью.

Нэлл никогда прежде не бывала на подобных празднествах за пределами родных Бродов — их собственный, куда более скромный праздник урожая не шёл ни в какое сравнение с размахом Тихой Заводи. Она пришла в неописуемый восторг и немедленно втянулась в хоровод местной молодёжи, водивший традиционный танец вокруг центрального украшенного снопа.

— Идём же! — крикнула она Гарту, хватая его за руку прежде, чем тот успел придумать сколько-нибудь убедительную отговорку. — Не могу же я танцевать одна!

Гарт слыл человеком, не склонным к легкомысленным развлечениям — Ирис успела убедиться в этом за месяц совместной дороги. Но к её немалому удивлению он не стал долго упираться и позволил Нэлл увлечь себя в хоровод с тем же добродушным терпением, с каким обычно сносил её бесконечные вопросы о травах и жилах силы. Ирис смотрела, как крупный, немолодой уже наёмник неуклюже, но с явным удовольствием подстраивается под ритм деревенского танца, под общий смех местных жителей и собственную растущую весёлость. В груди у неё разлилось непривычное, почти забытое тепло. Не романтическое ещё в тот момент — это

придёт позже, у хижины Дариена. Просто безусловное счастье: смотреть, как люди, которых она успела полюбить, наслаждаются жизнью без примеси страха и бегства.

— Не желаете потанцевать, госпожа странница?

Голос принадлежал местному парню лет двадцати с небольшим — крепкому, светловолосому, с открытой, дружелюбной улыбкой. Судя по решительности, с какой он подошёл, дорожный плащ, выдававший в ней чужестранку, ничуть его не смутил.

Ирис застигло врасплох столь прямое и совершенно неожиданное для неё внимание. За двадцать лет странствий подобные приглашения случались крайне редко — обычно она предпочитала держаться в тени, избегая любого лишнего внимания. Она не сразу нашлась с ответом. Парень принял её замешательство за скромность, а не за настороженность привыкшей к одиночеству путницы, и ободряюще протянул руку.

— Меня зовут Волмер, — представился он. — Обещаю, я не наступлю вам на ноги больше двух раз за весь танец.

Уголком глаза Ирис заметила, как Гарт, продолжая кружиться в хороводе с Нэлл, на мгновение замер. На лице у него читалась смесь удивления, невольного любопытства и чего-то ещё, более острого, чему они оба тогда ещё не успели дать название.

— Пожалуй, один танец, — сказала наконец Ирис. Отказ привлечёт больше ненужного внимания, чем краткое участие в общем деревенском веселье. И позволила Волмеру увлечь себя в хоровод.

Танец, к её собственному удивлению, оказался приятным. Простые, повторяющиеся движения — нужно было просто следовать общему ритму, а не задумываться о сложных фигурах. Ирис, невзирая на многолетнюю привычку к постоянной бдительности, позволила себе на несколько минут просто быть частью общей, беззаботной радости, кружащейся вокруг украшенного снопа под звуки деревенских скрипок.

Танец закончился. Волмер, рассыпаясь в благодарностях и явно воодушевлённый успехом, отошёл за угощением для них обоих. Гарт оставил Нэлл в компании местных девушек, оживлённо расспрашивающих её о тавеннской моде, и приблизился к Ирис с видом человека, старающегося выглядеть куда более беспечным, чем чувствует себя на самом деле.

— Неплохо танцуешь для человека, который двадцать лет предпочитал безлюдные тропы многолюдным праздникам, — заметил он с нарочитой лёгкостью.

— А ты неплохо ревнуешь для человека, который ещё неделю назад настаивал, что мы всего лишь попутчики по случайному стечению обстоятельств, — парировала Ирис с лукавой полуулыбкой. Собственная смелость её удивила — прежде подобная игривость была ей несвойственна.

Гарт слегка смутился, что для его обычно невозмутимого лица было редкостью. Но не стал отрицать очевидного.

— Может, и ревную, — признал он тихо. — Хотя, полагаю, не имею на это пока никакого права.

— Пока, — многозначительно повторила Ирис. В этом единственном слове, произнесённом с непривычной для неё лёгкостью, было куда больше обещания, чем оба они готовы были облечь в более прямые слова тем вечером.

Праздник продолжался далеко за полночь: песни, местное крепкое яблочное вино (Дариен, присоединившийся к ним позже, годы спустя назовёт такое вино «опасно недооценённым»), байки старейшин о прошлых урожаях. И то особое, тёплое единение целой деревни, что редко доводится увидеть путникам, вечно спешащим дальше по своим неотложным делам.

Нэлл изрядно устала от танцев и обьяелась печёных яблок с мёдом. Она уснула на плече у Ирис задолго до того, как праздник начал стихать. Гарт наблюдал за этой мирной сценой и тихо произнёс, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Знаешь, за двадцать лет обозной службы я повидал немало деревенских праздников. Но ни один не запомнился мне так, как этот.

— Может, дело в компании, — предположила Ирис, осторожно поглаживая спящую Нэлл по волосам.

— Может, и в этом, — согласился Гарт. В его голосе прозвучала та самая тёплая, ещё не до конца оформившаяся нежность, которой предстояло вырасти в нечто большее уже совсем скоро, на каменном выступе перед хижиной Дариена.

Они покинули Тихую Заводь на следующее утро под благодарные напутствия жителей и настойчивые приглашения Волмера непременно вернуться на будущий год. Ирис оглядывалась на удаляющуюся деревню и впервые за двадцать лет странствий почувствовала лёгкую, но настоящую грусть расставания. Это место, вопреки всем опасностям большой дороги, подарило им один-единственный, но по-настоящему безоблачный день.

Глава 5

Перевал Ирна

Граница Тавенны не была отмечена ни стеной, ни заставой — только истёртым каменным столбом с полустёршимся гербом. Вокруг него лес неприметно менял характер: кородинские сосны, тёмные и прямые, как копья, уступали место более светлым, раскидистым дубам и ясениям. Воздух, как показалось Нэлл, стал будто бы мягче. Будто сама граница выдыхала что-то отличное от того, чем дышало приграничье позади.

— Дальше Орден Пепла тоже действует, — предупредил Гарт, когда они миновали столб, — но здесь у них меньше власти. Тавенна — королевство торговое, и король тавеннский Ордену не подчиняется, хотя и не ссорится с ним открыто. Здесь искать нас будут осторожнее. Не в открытую, как в Кородине.

— Небольшое облегчение, — заметила Ирис, — но облегчение.

Они разбили лагерь в первой же тавеннской роще — достаточно углублённой в лес, чтобы дым костра рассеивался среди листвы прежде, чем достигал открытого неба. Впервые за три дня позволили себе полноценный, не тревожный сон по очереди, а не общее нервное бдение.

Ирис досталась вторая стража — глубокая ночь, когда даже совы затихают, а мир становится тише собственного дыхания. Она сидела у тлеющих углей, глядя на огонь. Но видела вместо него совсем другое пламя, двадцатилетней давности.

Она не помнила своих родителей — ни лиц, ни голосов, ни даже имён. Знала только то, что рассказал ей Сорэн, когда она достаточно подросла, чтобы задавать вопросы: её оставили у порога Ковена совсем малышкой, завернутую в грубую холстину, с запиской, где значилось лишь одно слово — «Уговор». И дата, совпадавшая с датой древнего ритуала, заключённого поколением раньше между родом её матери и Ковеном хранителей.

Сорэн, глава Ковена, старейший из хранителей, чья чешуя отливала глубокой синевой ночного неба, взял её к себе не из милосердия — как она поняла много позже, — а из долга. Уговор связывал не только кровь, но и обязательства. Раз кровь матери когда-то была отдана Ковену, дитя этой крови принадлежало Ковену тоже, покуда не решит иначе.

Она выросла среди хранителей — не в человеческом городе, не в деревне, а в скрытых святилищах на узлах силы, разбросанных по всему континенту. Сорэн и другие хранители водили её туда с раннего детства, обучая тому, что, по их словам, однажды понадобится ей больше, чем любое человеческое ремесло: чувствовать жилы земли, укреплять слабеющие узлы, узнавать Печать по одному лишь её дыханию.

«Зачем ты учишь меня этому? — спросила она однажды, лет в двенадцать, сидя на тёплом боку Сорэна, вросшего в склон горы, как ещё одна скала среди скал. — Я не хранитель. У меня нет крыльев, нет чешуи, кроме этих нескольких за ухом. Я просто человек».

Сорэн долго молчал тогда. Когда наконец ответил, голос его — не звук, а ощущение, вплетённое прямо в её кровь через Уговор, — прозвучал печальнее, чем она когда-либо слышала прежде.

«Хранителей осталось сорок три на весь континент, дитя. Было время, когда нас было в десять раз больше. Мир меняется быстрее, чем мы успеваем меняться вместе с ним, и я не знаю, сколько ещё поколений хранителей увидят рассвет. Но Уговор был заключён не просто ради твоей долгой жизни. Он был заключён, чтобы знание не умерло вместе с последним из нас. Ты — не хранитель, верно. Но ты — память. И память переживёт даже тех, кто её хранит».

Она не поняла тогда всей тяжести этих слов. Поняла лишь спустя годы, на перевале Ирна. Небо горело, и Сорэн — тот самый Сорэн, что учил её распознавать Печать по дыханию, рассказывал истории у костра голосом, вплетённым в её кровь, был единственным подобием семьи, какое она когда-либо знала, — обрушился с высоты в двести локтей на камни перевала. Пронзённый дюжиной копий с зазубренными, посеребрёнными наконечниками. Его последний взгляд — тот самый взгляд, ищущий, спряталась ли она достаточно хорошо, — остался с ней на все двадцать лет вперёд. Как клеймо, выжженное не на коже, а глубже.

Она пряталась тогда в узкой расщелине под перевалом. Сорэн отправил её туда за час до атаки, будто предчувствуя — а хранители, как она узнала позже, действительно предчувствовали многое, хоть и не умели предугадывать всё. Сквозь щель между камнями она видела не хаотичную бойню обезумевших чудовищ, как о том говорилось потом в каждой официальной хронике Ордена, а организованную, методичную резню. Отряды в пепельно-серых плащах, выстроенные ровными шеренгами вдоль хребта. Каждый вооружён копьями с посеребрёнными наконечниками — оружием, специально выкованным против драконьей чешуи. Такое оружие не куют за одну ночь в ответ на внезапное нападение. Его куют месяцами, планомерно, заранее.

Хранители не атаковали первыми. Она видела это собственными глазами: Сорэн и ещё двое из немногих уцелевших к тому дню хранителей кружили над перевалом, не пикируя, не выпуская пламени. А внизу, среди пепельных шеренг, уже звучали команды, уже взлетали в воздух первые залпы копий.

Она не знала тогда, сколько хранителей погибло на перевале Ирна тем днём. Позже, годы спустя, по обрывкам сведений, собранным по крупницам в архивах и трактирных разговорах, она сложила цифру: одиннадцать. Одиннадцать из сорока трёх — погибших за один день на одном перевале. Остальные погибли за последующие недели, по всему континенту, в скоординированной, слаженной кампании, которую невозможно было спутать со стихийным бунтом обезумевших чудовищ.

Той же ночью она бежала прочь с перевала Ирна, оставляя за спиной догорающее небо. Единственное, что успела спасти: пять яиц из святилищного гнезда. Незадолго до атаки Сорэн, будто предчувствуя худшее, велел ей перенести их в укрытие подальше от основного лагеря хранителей.

«Если что-то случится, — сказал он ей тогда, и голос его, вплетённый в её кровь, впервые за всю её жизнь дрогнул неуверенностью, — беги с ними на север. Не оглядывайся. Найди новый узел, укрой их там, и жди, покада мир не станет достаточно спокоен, чтобы им безопасно вылупиться».

Она не спросила тогда, что делать, если мир никогда не станет достаточно спокоен. Не спросила, потому что не хотела верить, что такое вообще возможно.

Двадцать лет спустя она всё ещё не знала ответа.

— Не спишь?

Голос Гарта — тихий, сонный — вырвал её из воспоминаний резче, чем она ожидала. Он поднялся сменить её на страже чуть раньше положенного. По тому, как он на неё посмотрел,

было ясно: он понял, куда унесли её мысли этой ночью. Взгляд человека, который сам не раз проводил ночи наедине со старыми ранами.

— Вспоминала, — призналась она. Не видела смысла лгать человеку, который двадцать лет носит собственную версию той же самой боли.

Гарт сел рядом — не слишком близко, оставляя между ними достаточно пространства, чтобы она сама решила, сокращать его или нет. Долго молчал, глядя на угли.

— Расскажешь? — спросил он наконец. — Не обязательно. Но если хочешь — я слушаю.

И она рассказала. Впервые за двадцать лет вслух, не обрывками, не полунамёками, а полностью — от расщелины под перевалом до последнего взгляда Сорэна. Гарт слушал, не перебивая. Лишь однажды, когда она дошла до пепельных шеренг, выстроенных заранее, до посеребрённых копий, выкованных загодя, его лицо застыло тем самым выражением, какое она видела у него в первый вечер их знакомства — узнаванием равного, несущего собственную версию того же самого груза.

— Значит, это правда была засада, — сказал он тихо, когда она закончила. — Не ответ на нападение. Засада, спланированная заранее.

— Да, — подтвердила Ирис. — И я двадцать лет пытаюсь понять — не столько кто отдал приказ, сколько зачем. Драконы веками жили рядом с людьми, охраняя узлы силы, не претендуя ни на земли, ни на власть. Зачем понадобилось их истребить именно тогда, именно так методично?

Гарт долго молчал, прежде чем ответить. Когда заговорил, голос его был тих, почти неслышен на фоне потрескивающих углей.

— Двадцать лет назад, незадолго до Охоты, по казармам ходили слухи. Я тогда не придал им значения — слишком молод был, слишком занят собственной службой. Слухи о том, что кто-то в верхушке Ордена, кто-то очень высокопоставленный, интересовался не самими драконами, а тем, что драконы охраняли. Узлами. Печатами. — Он посмотрел на неё. В его глазах отразилось нечто похожее на то самое чувство, что не оставляло Ирис двадцать лет: не уверенность, но твёрдое, неотступное подозрение. — Что, если дело было не в драконах вовсе, Ирис? Что, если дело было в том, что драконы стерегли?

Она сидела неподвижно. Эта мысль не была для неё новой. Но впервые прозвучала вслух чужим голосом — нашла опору вовне, а не только внутри собственных двадцатилетних сомнений. Мысль оседала где-то глубоко под рёбрами, тяжёлая и холодная, как первый настоящий кусок правды за два десятилетия поисков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.